

ИОСИФ РАЙХЕЛЬГАУЗ:

Горизонт, как известно, уходит

В конце XIX века в доме на Трубной, в Зимнем "Эрмитаже", находился литературный клуб. Здесь Чехов подписал контракт с Сувориным на издание своего первого собрания сочинений.

Интересно, что сказал бы Антон Павлович, если бы смог предположить, что именно в этом доме, который последние пятнадцать лет занимает Театр "Школа современной пьесы", будет идти его "Чайка", а вслед за ней "Чайка" другого автора, что режиссер Иосиф РАЙХЕЛЬГАУЗ не успокоится, поставив вторую, и репетирует третью.

— Иосиф Леонидович, вам одной "Чайки" было мало?

— Мало. Потому что "Чайка" Акунина отличается от чеховской. Мне интересна не трактовка, а новое содержание. Еще важнее изменения жанра. Я хочу получить в театре некую сильную новость, необычную во всех отношениях. Поэтому наша третья "Чайка" будет опереттой.

— Хорош же будет Треплев с ружьем наперевес, исполняющий арии.

— Он будет не просто хорошим, а очень хорошим, потому что это будет классическая оперетта, которой мы ответим на серию американских мюзиклов. Опереттой был силен русский театр. Она является неотъемлемой его частью. Опереттой занимались Станиславский, Немирович-Данченко, Таиров, а уж они-то знали цену театру.

— У них играли выдающиеся артисты, а сейчас режиссеры порой ставят спектакли с людьми, далекими от этой профессии.

— Да, я тоже так поступаю. Например, пригласил Александра Гордона, потому что он мне очень нравится. Он объемный человек, журналист, телевизионный ведущий, кинорежиссер, знаток поэзии, умница. Думаю, сегодня возможен и театр, в котором будут работать журналисты, художники, спортсмены, чье внутреннее содержание интересно. Хотелось бы выводить на сцену людей, способных нести пьесу в себе. Неслучайно зрителей всегда интересует личная жизнь артистов. Они любят их не только за мастерство, но и за человеческое содержание.

— Почему вы не приглашаете в свои спектакли вашу жену, актрису Марину Хазову?

— Я глубоко убежден, что жена-артистка не должна работать у мужа-режиссера. Однажды я сделал исключение. В гастролях по Америке не смогла принять участие наша артистка, и Марина нас выручила, заменив ее. Что касается ее участия в спектакле "Кремль, иди ко мне", который Борис Мильграм поставил в нашем театре, то это был его выбор. Он сказал, что для этой роли ему

нужна только она, и я согласился.

— Сами сыграть не хотите?

— Я вышел на сцену в спектакле "Записки русского путешественника", чтобы поддержать спектакль, находящийся в стадии становления. Теперь в программке жанр так и обозначен — репетиция. В спектакле "Город" играю таксиста, а мой ученик Саид Багов — героя. Актерские опыты оказались занятыми, но тяги к этому у меня нет. Много других интересных дел. И помимо режиссуры тоже. Сейчас набираю студентов, актеров и режиссеров в РАТИ (ГИТИС). Фильм собираюсь снимать. Книжку одну написал, теперь над двумя другими работаю.

— О том, чтобы написать пьесу, не думали?

— Пьесу написать не тянет. Я давно хочу поставить спектакль без пьесы, попробовать обойтись без литературы.

— Театр без артистов, спектакли без пьес. Какая-нибудь привязанность к классическому театру у вас осталась?

— Штат. В нем десять артистов, еще несколько приходят играть, но я стараюсь избежать антрепризности. Считаю, что в театре люди приобретают, а в антрепризе растрачивают. Мы стараемся, чтобы не было лишних людей в коллективе. По штату положено шестнадцать монтажников декораций — справляются четверо, работу шести осветителей выполняют двое. За счет этого все они зарабатывают больше. Если артист не может существовать в нашей компании, если он живет по своим законам, мы с ним расстаемся. Был случай, когда артист, состоящий в штате, уехал с антрепризой на гастроль. Понадобился срочный ввод. Он вернулся — мы расстались. Никто никому ничего не должен, в театре всем должно быть хорошо.

— С уволенными отношения не портятся?

— С Гурченко испортились на долгие годы. Она считала себя солисткой, примдонной, а у нас все артистки — примдонны, других не держим. Конечно, зрителя привлекают знаменитости, но театр — это компания.

И. Райхельгауз

— Вы не боитесь конкуренции?

— Нет. Пусть ставят, посмотрим, будут ли у них такие аншлаги. У нас живой театр — школа современной пьесы. Шекспир писал, и в его театре это сразу ставили, такими же были и мольеровский театр, и наши Малый и МХАТ, когда брали пьесы из-под пера Островского, Чехова, Горького, Булгакова.

— Вы тоже берете из-под пера?

— Конечно, многие имена возникли в нашем театре. Мы совместно с телеканалом "Культура", "Радио России", журналами "Современная драматургия" и "Огонек", "Новой газетой" и РАО "ЕЭС России" проводим конкурс современной драматургии "Действующие лица". Четыреста авторов прислали свои работы. Уверен, часть из них увидит свет на нашей сцене.

— Какой срок отпущен у вас спектаклю?

— Пока есть зрительский интерес. Я давно хочу снять спектакли "Пришел мужчина к женщине" и "А чой-то ты во фраке?". Ну сколько можно их смотреть? Каждый раз, как мы включаем их в афиши, я про себя думаю: "Ну, все. Это в последний раз", но опять полные залы, и у меня рука не поднимается, хотя я прекрасно понимаю, что навлекаю только проблемы на свою голову. Старые спектакли надо поддерживать, им нельзя дать развалиться.

— Вы по-прежнему встречаете критику с кулаками?

— Сейчас я отношусь к ней спокойнее, потому что у нас в театре всегда есть зритель. Критиков же, которые профессионально занимаются разбором спектакля, мне читать интересно, даже если ругают, потому что, как это ни обидно, я готов признать, что они правы.

— А вы сами критикуете работы коллег?

— Режиссеры ставят друг другу диагноз открытым текстом. В игры играть не приходится. Каждый из нас понимает уровень своей работы. В Интернете блуждает список ста лучших режиссеров. Я там ближе к концу второй десятки, но я знаю, что на самом деле нахожусь гораздо ниже, где-то в четвертой.

— Если вы знаете свои просчеты, почему бы не исправить их до премьеры?

— В момент рождения спектакля режиссер чаще всего ослеплен. Он принимает желаемое за действительное. Проходит время. Видя свой спектакль в контексте других, сравнивая их, он понимает свои ошибки. Но на исправление уже нет времени. У нас в репертуаре пятнадцать наименований, и нет ассистента, который бы помог. Мне же нужно репетировать новый спектакль, а не доводить премьерный. Приходится жертвовать качеством, я не могу охватить все. Одно дело выращивать цветок, и совсем другое — содержать оранжерею.

— Как обстоят дела с гастролями?

— Сегодня, когда они стали неотъемлемыми, а организация их сложна, география гастролей определяет уровень театра. Хотя если раньше приглашение, скажем, в Канаду воспринималось как чудо, то сейчас этим не очень-то удивишь. Существуют гастроли нескольких видов. Самые серьезные — это участие в фестивалях. Следующие — когда приглашает зарубежный продюсер и не скрывает, что хочет хорошо заработать. Это означает, что театр можно продать. Спектакли идут с переводом на местный язык. Если вы видите репортажи из-за рубежа, в которых зрители сидят без наушников, значит, в зале наши эмигранты. Это третий вид гастролей. Мы можем гордиться своим участием в двух последних боннских фестивалях. В Финляндии и Швейцарии мы были больше двадцати дней и играли не для эмигрантов. А вот о наших гастрольях в крупных городах США американский зритель и не подозревал. Единственное положительное, что в них было, — это тот факт, что спектакли посмотрели несколько профессиональных американских режиссеров и критиков, и сейчас идут переговоры о показе чеховской "Чайки" уже для американской публики.

— Вашему театру в следующем сезоне исполнится пятнадцать лет. Сбылось ли то, о чем мечтались?

— Я счастливый человек. Многое из того, что я хотел сделать, обретаю свой постоянный дом, сбылось, хотя далеко не все. Некоторые мои идеалистические фантазии были на уровне горизонта, а он, как известно, уходит. Реальность повседневной жизни отличается от мечты.

— Когда человеку нужно подводить итоги?

— Всегда. Ему надо знать, что он сделал, и отдавать себе отчет, что времени становится все меньше. Он должен выбирать из списка дел самое необходимое. Если раньше я покупал много книг, наивно полагая, что прочту их все, то теперь не покупаю ни одной. Мне бы прочесть то, что дарят. Если раньше я легко строил дома и так же легко продавал их, то теперь строю для себя и хочу успеть пожить в своем доме.

Беседу вела
Татьяна ПЕТРЕНКО

Фото
Натали ЛОГИНОВОЙ

Культурра. 2003. 3-9 июля - 28